

Loula, František

**Дифференциальная рента как категория социалистического
сельскохозяйственного производства и причины ее возникновения**

*Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. G, Řada
sociálněvědná. 1966, vol. 15, iss. G10, pp. [83]-110*

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/111825>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University
provides access to digitized documents strictly for personal use, unless
otherwise specified.

ФРАНТИШЕК ЛОУЛА

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА КАК КАТЕГОРИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
И ПРИЧИНЫ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Общие условия для образования дифференциальной ренты существуют и при социализме. Во-первых, площадь лучших земельных участков в сельском хозяйстве ограничена и при социализме, вследствие чего необходимо обрабатывать и худшие по плодородию и местоположению земли, чтобы так удовлетворить общественную потребность в сельскохозяйственных продуктах. Различия в плодородии или местоположении земли приводят к дифференцированному уровню производительности труда, т. е. к затрате различного количества общественного труда (овеществленного и живого) на единицу продукции, равно как и к различной производительности дополнительных затрат средств производства и живого труда. Во-вторых, и при социализме существует товарное производство, и стоимость является объективной категорией социалистического производства. Следовательно, различия в производительности труда проявляются разной величиной стоимости валовой продукции с одного гектара земли разного плодородия или местоположения, так как величина стоимости валовой продукции в условиях товарного производства не измеряется индивидуальной стоимостью товаров, а их стоимостью общественной. Дополнительный прибавочный продукт на лучших по плодородию или местоположению участках, возникающий вследствие различий в производительности труда, в условиях товарного производства проявляется главным образом в стоимостной форме, как разница между индивидуальной и общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов. Производители, производящие в лучших условиях, чем какими являются условия, определяющие стоимость, получают еще дифференциальный доход. Этот дифференциальный доход и представляет материальную основу дифференциальной ренты.

Однако дифференциальный доход, составляющий материальную основу дифференциальной ренты, нельзя отождествлять с самой дифференциальной рентой. Поэтому следует отличать причины образования дифференциального дохода от причин возникновения дифференциальной ренты, т. е. причины того, почему дифференциальный доход превращается в дифференциальную ренту.

Дифференциальная рента — это не дополнительный доход как таковой, а экономическая форма дополнительного дохода, известное общественно-экономическое отношение между людьми, основой которого является дифференциальный доход, являющийся результатом труда, затраченного в более благоприятных природных условиях.

Таким именно образом приступает к изложению земельной ренты Маркс, который сначала показывает¹ причины возникновения в сельском хозяйстве добавочной прибыли относительно постоянного характера, а лишь потом приступает к решению вопроса, почему эта добавочная прибыль приобрела самостоятельность как особая форма прибавочной стоимости, отличающаяся от прибыли.

Причиной этому по Марксу является земельная собственность. Прибавочный труд для другого человека принимает форму земельной ренты потому, что это труд для земельного собственника. „Земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли...“²) Таким образом сущность земельной ренты как экономической категории представляет земельная собственность. „Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам общее то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность...“³

Несмотря на то, что эти взгляды Маркса общеизвестны, при решении вопроса дифференциальной ренты в условиях социализма о них очень часто забывают. Дело потом доходит до того, что в качестве причины дифференциальной ренты указываются природные условия. Так напр., И. И. Баланчивадзе в своей диссертации⁴) причиной образования дифференциальной ренты считает ограниченность площади земельных участков при социализме. Это мнение не является одиночным; оно высказывается — хоть и менее выразительно — также в целом ряде других работ.

Причиной существования земельной ренты никогда не могут быть природные факторы. Земельная рента — как и все остальные экономические категории — представляет собой общественное явление. „Рента является результатом общественных отношений, при которых происходит обработка почвы. Рента не может быть результатом более или менее устойчивого, более или менее постоянного характера земли. Рента происходит из общества, а не из земли.“⁵) И во второй фазе коммунистического способа производства будет существовать ограниченность площади лучших земельных участков, но не будет дифференциальной ренты, так как общественные причины ее возникновения будут устранены.

Таким образом причины существования дифференциальной земельной ренты при социализме следует искать в системе производственных отношений. Основой дифференциальной ренты является известная форма земельной собственности. Земельная рента при социализме выражает производственное отношение между людьми по отношению к дополнительному продукту, или, точнее, к дополнительному чистому доходу (так как различия в местоположении участков не приводят к созданию дополнительного продукта), который образует материальную основу ренты.

Прежде чем приступить к вопросу, что является причиной существования дифференциальной ренты при социализме, следует упомянуть, что некоторые советские экономисты отрицают наличие этой категории при социализме.

Лишь мало их делает это прямо. Так на конференции, состоявшейся в Москве в сентябре 1958 г., из 30 экономистов, принимавших участие в прениях, их было только двое: доктор экономических наук проф. А. М.

Гуревич и аспирант Э. Корецкая. Проф. Гуревич в своем выступлении⁶⁾ признает различия в доходах сельскохозяйственных предприятий, связанные с различиями в плодородии и местоположении отдельных участков, однако не видит повода для выделения их как особой экономической категории. Он утверждает, что дифференциальная рента при социализме является вымышленной экономической категорией, которая была механически перенесена из условий капиталистического сельского хозяйства в социалистическое сельскохозяйственное производство. Аспирант Э. Корецкая мотивирует свое отрицание дифференциальной ренты при социализме тем, что при социализме были ликвидированы монополия частной собственности на землю и эксплуатация человека человеком.⁷⁾ К этим противникам дифференциальной ренты при социализме присоединился в своей статье и академик С. Струмилин,⁸⁾ который в своей аргументации исходит из того, что при социализме, вследствие устранения частной собственности на землю и на все остальные средства производства, перестает действовать закон средней нормы прибыли и вместе с этим исчезает основа для образования земельной ренты. „Из-за отсутствия классовой эксплуатации труда в условиях социализма отпадают и все элементы прибавочной стоимости, в том числе и земельная рента. Дифференциальная ‚рентабельность‘ различных участков земли сохраняется, но дифференциальной ренты нет...“⁹⁾

У всех этих прямых противников дифференциальной ренты то общее, что они считают земельную ренту при социализме чем-то чуждым социалистическим производственным отношениям, что прямо противоречит им. Профессор Гуревич заявляет, что земельная рента является специфической категорией капиталистического способа производства. Аспирант Э. Корецкая и академик Струмилин связывают земельную ренту с классовой эксплуатацией труда.

Против существования дифференциальной ренты при социализме писал также И. Марков¹⁰⁾ и в дискуссии в журнале „Вопросы экономики“ одинаково высказывались К. Н. Бонч-Осмоловский, Э. А. Виноградов, А. Н. Колин, Ф. П. Садовой, Г. С. Николенко, П. А. Чельшков, Д. С. Минаков, Е. Л. Таранов и Н. П. Егоров.¹¹⁾

Больше, чем прямых противников дифференциальной ренты при социализме, имеется таких экономистов, которые на словах признают существование дифференциальной ренты при социализме, однако фактически его отрицают в связи со своими теоретическими исходными пунктами. Сюда относится напр., проф. Н. Н. Соколов, высказавший взгляд, что лучше следовало бы говорить не о дифференциальной ренте, а о дифференциальном чистом доходе.¹²⁾ Также И. И. Козодоев, хотя он исходит из других теоретических предпосылок, чем Соколов, приходит к заключению, что термин „рента“ непригоден для характеристики отношений, возникающих в сельском хозяйстве при социализме, так как государство в качестве земельного собственника не получает никаких доходов. По его мнению, рента в условиях социализма является не экономической реализацией земельной собственности, а реализацией землепользования как объекта социалистического хозяйствования со стороны колхозников.¹³⁾ Одинаковые взгляды появляются и у некоторых чехословацких экономистов, которые или говорят о т. наз. земельной ренте, или о „ренте“ в кавычках, так как не имеются налицо все условия ее существования, как это имеет место при

капиталистическом способе производства,¹⁴) или предлагают заменить термин рента термином дополнительный чистый доход в кооперативах.¹⁵) В лучшем случае они заявляют, что дискуссии относительно названия не имеют никакого важного значения и что для дополнительного чистого дохода в кооперативах можно и впредь пользоваться термином дифференциальная рента.¹⁶ Примеров таких мнений у советских и чехословацких экономистов можно было бы привести очень много. Однако, в отличие от проф. Пашкова,¹⁷ я полагаю, что нельзя утверждать, будто экономисты, исходящие из взгляда, что стоимость сельскохозяйственных продуктов при социализме определяется условными производства на средних участках, тем самым фактически отрицают существование дифференциальной ренты при социализме. Остается же разница между доходами хозяйства, работающих на средних и на лучших участках, которая является основой дифференциальной ренты. Продолжает также существовать разница между доходами, полученными со средних и с худших участков, однако дифференциальная рента здесь является отрицательной величиной, чем фактически доказывается неправомерность исходного мнения. Однако, несмотря на ошибочность этого мнения, согласие с ним не следует, по-моему, отождествлять с отрицанием существования дифференциальной ренты при социализме.

Вернемся еще к статье академика Струмилина. В ней встречается ряд противоречий. Как мы уже указывали, академик Струмилин связывает образование земельной ренты со средней нормой прибыли как с ее основой. Неправильно, конечно, поддерживать такой взгляд с помощью взглядов Маркса. Маркс, в той части, где он разбирает издольное хозяйство и парцеллярную собственность, пишет: „Как бы ни регулировалась здесь средняя рыночная цена сельскохозяйственного продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же, как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует при состояниях общества, при которых еще вообще не развилась общая рыночная цена, существует эта дифференциальная рента; она тогда выступает в виде избыточного прибавочного продукта. Но попадает она в карман того крестьянина, труд которого реализуется при более благоприятных естественных условиях.“¹⁸ Эти слова могут послужить доказательством того, что Маркс ни в коем случае не связывал ренту со средней нормой прибыли. Хотя он на указанном месте говорит об обществах, в которых еще не развилась цена производства, то же самое логически должно относиться и к обществу, в котором уже не существуют условия для образования цены производства. То, что не существуют монополия частной собственности на почву и такие категории, как средняя прибыль и цена производства, имеет следствием, что не существует и абсолютная земельная рента, источником которой является разница между стоимостью и ценой производства сельскохозяйственных продуктов. Нет также никакой связи между ценой производства и дифференциальной рентой. Если при капитализме дифференциальную ренту представляет разница между общей ценой производства, определяемой условиями производства на наихудших участках, и индивидуальной ценой производства на наилучших и средних участках, то это обозначает не связь между дифференциальной рентой и ценой производства, а между общей и индивидуальной ценами производства,

в которые видоизменяется стоимость при капитализме. При социализме дифференциальную ренту объективно представляет разница между общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов и индивидуальной стоимостью продуктов, произведенных при лучших естественных условиях, чем какими являются условия, определяющие общественную стоимость.

Академик Струмилин выступает как противник мнения о существовании дифференциальной ренты при социализме, однако в приведенной статье он сам приносит множество доказательств в пользу ее существования. Разбирая стоимость и цену на сельскохозяйственные продукты,¹⁹⁾ он высказывает взгляд, что при социализме колхозники, ведущие хозяйство на наиболее плодородных или на лучше расположенных участках, не могут эти естественные преимущества превратить в свою монополию. Они не могут требовать присвоения излишка доходов, которые обусловлены не их собственным трудом, а почвенно-климатическими и географическими преимуществами. Лишь всему социалистическому обществу в целом принадлежит право располагать излишними доходами этого рода. Для изъятия этих доходов академик Струмилин предлагает, если зональные цены являются недостаточными, установление для каждого отдельного колхоза особых сдаточных цен товарной продукции, соответствующих этому принципу и интересам всего народного хозяйства. Согласно такому взгляду сдаточные цены должны в первую очередь полностью покрыть каждому колхозу его индивидуальные материальные затраты и оплату труда в рамках обычных существующих норм и, кроме того, предоставить колхозу известную норму накоплений, предусмотренную общим планом каждого колхоза, для собственного использования на основе местной инициативы и усилия колхозников. Струмилин здесь, очевидно, недооценил различия между государственной социалистической собственностью и групповой собственностью; осуществление его мнения равнялось бы практически ликвидации групповой собственности. Однако, невзирая на это, академик Струмилин на этом месте невольно, но вполне ясно доказывает существование дифференциальной ренты при социализме. Полагать, что установление различных сдаточных цен в согласии с дифференцированной производительностью труда, вызванной различными естественными условиями обозначает отмену дифференциальной ренты, по нашему взгляду глубоко ошибочно. Речь идет не об отмене дифференциальной ренты, а о ее изъятии, об ограничении или ликвидации ее неблагоприятных последствий. Конечно, государство может ее изымать лишь в том случае, если она существует. Рента создается объективно; социалистическое государство может при помощи экономико-политических мероприятий использовать закон дифференциальной ренты на благо социалистического общества.

Таким образом академик Струмилин своими выводами на деле нехотя подтверждает существование дифференциальной ренты и доказывает необходимость ее изъятия всем обществом. Он показывает, что с сущностью социалистического способа производства несовместима никакая монополия естественных условий в руках известных коллективов трудящихся. Таковую монополию можно устранить лишь путем использования всем обществом лучших естественных условий, существующих без рабочего усилия известных групп, т. е. изъятием дифференциальных доходов, ими обусловленных, в руки всего общества (государства) или же путем использования их для удовлетворения общенародных потребностей.

По нашему мнению (его сегодня придерживается большинство экономистов) дифференциальная рента в условиях социализма существует. Это объективное производственное отношение в социалистическом производстве, основой которого является чистый доход, получаемый вследствие лучших, относительно устойчивых естественных условий сельскохозяйственного производства. Однако социальная сущность дифференциальной ренты при социализме совершенно другая, чем у капиталистической земельной ренты. Между тем как земельная рента при капитализме является выражением производственных отношений превосходства и подчиненности, дифференциальная рента при социализме выражает отношения взаимопомощи и сотрудничества. Капиталистическая земельная рента является частью прибавочной стоимости, возникшей эксплуатацией наемных работников. При социализме дифференциальная рента является частью чистого дохода, созданного трудом свободных, от эксплуатации избавленных людей; она является результатом социалистического труда сельскохозяйственных работников в крупных социалистических хозяйствах. Она — как мы уже указывали — не может представлять собой излишек средней прибыли, так как средняя прибыль в условиях социализма не образуется. Это разница между общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов и индивидуальной стоимостью сельскохозяйственных изделий, произведенных при лучших естественных условиях, чем какими являются условия, определяющие стоимость.

Дифференциальная рента не является вымышленной категорией, механически перенесенной из капитализма в условия социалистического производства; она выражает реально в социалистическом обществе существующее производственное отношение. Социально-экономический характер этой категории иной, чем при капитализме вследствие других условий в социалистической экономике. Однако речь идет все время о том же понятийном отношении, т. е. о той же категории. Поэтому было бы излишним и даже ошибочным придумывать новый термин для этой категории. Таким образом в определенной степени упускалась бы из виду эволюционная линия и возможность исследовать диалектическое развитие этой категории, а это важная задача экономической науки, касающаяся не только дифференциальной ренты при социализме, но и всех остальных экономических категорий.

В настоящее время большинство советских и чехословацких экономистов признает существование категории дифференциальной ренты при социализме. Однако им еще далеко до достижения единства во взгляде на то, что является непосредственной причиной дифференциальной ренты, т. е. причиной того, почему дифференциальный доход, обусловленный дифференцированными естественными условиями, превращается в дифференциальную ренту.

Некоторые экономисты²⁰ признают возникновение дифференциальной ренты лишь в сфере кооперативного сельскохозяйственного производства, а рентными отношениями считают лишь отношения между государством и кооперативами (колхозами). Другие авторы,²¹ как в Чехословакии, так и в СССР, полагают, что рентные отношения возникают и внутри государственного сектора, т. е. как отношения между государственными хозяйствами (совхозами) и государством. Некоторые авторы²² придерживаются мнения, что дифференциальный доход, который становится основой рентных отношений между государством и соответствующими предприятиями, образуется

не только в государственных сельскохозяйственных предприятиях, но и в лесном хозяйстве, в горной промышленности и в других отраслях производства, тесно связанных с использованием земли, ее богатств, вод и т. д.

Нет сомнений, что существуют принципиальные различия в отношениях между сельскохозяйственными кооперативами и государством с одной стороны и между государством и государственными сельскохозяйственными предприятиями (совхозами, госхозами и т. п.) с другой стороны. Эти различия приводят к тому, что рентные отношения между государством и государственным социалистическим предприятием по социальному содержанию не могут полностью совпадать с отношениями между государством и сельскохозяйственным кооперативом. Однако из этих различий нельзя дедуцировать несуществование дифференциальной ренты в государственных социалистических предприятиях. Процесс воспроизводства в государственных хозяйствах (совхозах) осуществляется в условиях товарного производства и при хозрасчетных отношениях, вытекающих из него, экономическую сущность которых не следует недооценивать. Несмотря на то, что интересы отдельных государственных предприятий и государства в основном идентичны и что между ними не может быть существенных противоречий, нельзя сказать, что экономическая форма, в которой осуществляется процесс воспроизводства в государственном сельскохозяйственном предприятии, вовсе не дает возможности возникновения противоречий. Сама жизнь показывает, что такие противоречия возникают; постоянное стремление со стороны государства к усовершенствованию хозрасчета и организации предприятий является как раз выражением этих противоречий, желанием устранить их и достичь согласия между интересами социалистических предприятий и государством как представителем всего социалистического общества. Товарная форма отношений в государственных сельскохозяйственных предприятиях и различное плодородие почвы, на которой они ведут хозяйство, приводят к возникновению дополнительного дифференциального дохода, который не может стать объектом экономических отношений между государством и государственным сельскохозяйственным предприятием. Переход этого избыточного чистого дохода, возникающего вследствие монополии хозяйствования на земле (или, шире, вследствие монополии хозяйствования с относительно устойчивыми естественными ресурсами) в руки всего общества, представляемого социалистическим государством, обозначает его превращение в дифференциальную земельную ренту. Разумеется, что производственное отношение, возникающее тут между государством и государственным сельскохозяйственным предприятием, в известной степени отличается от производственного отношения между государством и сельскохозяйственными кооперативами так же, как и государственная собственность отличается от кооперативной; однако характер дифференциальной ренты здесь ясно сохраняется. Различие проявляется в частности способом изъятия дифференциальной ренты (наряду с другими способами). Между тем как у сельскохозяйственных кооперативов средством изъятия избыточного чистого дохода служит помимо заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты и дифференцированный сельскохозяйственный налог, земельная рента у государственных сельскохозяйственных предприятий, наряду с заготовительными ценами, изымается в форме отчислений от прибыли.

Единства взглядов экономисты не достигли и по вопросу, какую часть

избыточного чистого дохода сельскохозяйственного предприятия следует считать земельной рентой. Некоторые²³ полагают, что рентой можно считать лишь ту часть избыточного дохода, которая переходит от сельскохозяйственного кооператива в руки государства, чем возникают специфические рентные отношения между государством и кооперативами. Другие экономисты²⁴ придерживаются, наоборот, той точки зрения, что дифференциальную земельную ренту представляет только та часть избыточного дохода, которую государство не изымает и которая остается в сельскохозяйственном кооперативе. Государством изъятая часть избыточного чистого дохода поступает, по мнению этих экономистов, просто в общий фонд удовлетворения общественных потребностей и приобретает, как и его остальные существенные части, форму централизованного чистого дохода государства.

Мы считаем дифференциальную земельную ренту при социализме экономической категорией, т. е. теоретическим выражением экономических отношений, присущих всему социалистическому способу производства. Следовательно, ее нужно обосновать объективно существующими экономическими условиями. Дифференциальная рента потом обязательно и всегда возникает во всех тех случаях, когда эти условия объективно налицо. Также ее величина определена объективно, а именно как разница между общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов и индивидуальной стоимостью продуктов, произведенных при лучших естественных условиях, чем какими являются условия, определяющие стоимость. Обе приведенные точки зрения некоторых советских экономистов следует отвергнуть как ошибочные, так как они делают возникновение ренты и ее величину зависимыми от субъективных факторов, от правовых норм, посредством которых рента изымается в распоряжение социалистического государства. Существование и величина дифференциальной ренты при социализме определяются известными объективными экономическими условиями, к пониманию которых, по нашему мнению, ключом является собственность на землю при социализме. Где эти условия имеются, там дифференциальная рента возникает, там действует объективный закон дифференциальной ренты. На этом экономическом факте основано отчисление дифференциальной ренты на основании известных юридических норм в руки социалистического общества в целом, причем в правовой норме, определяющей способ и сроки передачи, с одной стороны более или менее правильно может отражаться объективная экономическая действительность, с другой стороны — можно исходить, кроме того, также из политических и других фактов. Эта правовая норма не может, однако, создать экономическую категорию дифференциальной ренты при социализме и определить ее величину.

Большинство экономистов, занимающихся изучением земельной ренты при социализме, исходят из марксистско-ленинского учения о земельной ренте и из творческого обобщения конкретной экономической действительности. Они обосновывают необходимость существования рентных отношений при социализме, указывая, конечно, что категория земельной ренты при социализме имеет другую социально-экономическую сущность, чем капиталистическая земельная рента. Но если они сходятся в этом основном вопросе, то вовсе этого нельзя сказать о вопросе непосредственных причин и условий возникновения этой категории в социалистическом обществе. По этому

вопросу встречаются различные мнения, которые можно было бы свести в следующие главные группы:

1. Часть экономистов²⁵ видит причину существования дифференциальной ренты при социализме в наличии двух форм социалистической собственности. Таким образом причиной является то, что наряду с государственными сельскохозяйственными предприятиями (совхозами, госхозами и т. п.) существуют как самостоятельные хозяйства и сельскохозяйственные кооперативы (колхозы, ЕСХК и т. д.), хозяйствующие на земле, которая находится в их пользовании. Если бы все сельскохозяйственное производство велось государством, т. е. государственными социалистическими сельскохозяйственными предприятиями, и если бы не существовало кооперативной собственности, причем бы, однако, существовали товарное производство и закон стоимости, то — по мнению этих экономистов — дифференциальная земельная рента при социализме не образовалась бы. Если бы государство было единственным хозяином земли, оно могло бы потери с худших участков компенсировать излишками, которые были бы получены на лучших участках. Стоимость сельскохозяйственных продуктов определялась бы в таком случае средними по плодородию участками; не было бы никакой разницы по сравнению с определением стоимости в промышленности. Такое положение дел имеется напр. в добывающей промышленности, где государство является не только собственником шахт, но и единственным хозяином их и где вследствие идентичности объекта собственности и объекта хозяйствования дифференциальная рента не может существовать. По мнению этих экономистов такой именно случай имел Маркс в виду в своем известном высказывании об исчезновении ложной социальной стоимости при социализме в III томе Капитала.²⁶

2. Некоторые экономисты²⁷ полагают, что причиной наличия земельной ренты при социализме является наличие товарного производства и действие закона стоимости.

3. Многочисленна группа тех экономистов,²⁸ которые считают, что причиной существования дифференциальной земельной ренты при социализме является монополия на землю как объект хозяйствования в руках сельскохозяйственных кооперативов.

4. Некоторые указывают две причины существования земельной ренты при социализме. Одни — монополии на землю как объект хозяйствования и наличие товарного производства,²⁹ другие — кооперативно-групповую собственность на средства производства в связи с общенародной собственностью (т. е. двоякую социалистическую собственность на средства производства) и исключительное положение кооперативов, хозяйствующих на лучших землях.³⁰

5. По мнению еще других экономистов причиной возникновения земельной ренты при социализме является изъятие государством избыточного дохода кооперативов в целях обеспечения одинаковых условий воспроизводства для всех кооперативов.³¹

6. По мнению некоторых передача избыточного чистого дохода происходит в целях удовлетворения требований экономического закона распределения по труду.³²

7. Последним, хоть и не наименее важным, является мнение, что земельная рента при социализме является реализацией всенародной собственности

на землю.³³ Это именно точка зрения, которой мы придерживаемся, так как только с ее помощью можно логически обосновать возникновение дифференциальной ренты при социализме. Лишь она дает нам право назвать избыточный чистый доход земельной рентой без излишних колебаний, не следует ли это название стыдливо закрыть в кавычках или как-нибудь иначе деформировать. Да, если говорить по праву о земельной ренте как об экономической категории, речь может идти не о чем ином, как об экономическом отношении между субъектом хозяйствования на земле и собственником земли.

К отдельным взглядам добавим хоть несколько примечаний. По моему мнению причину существования земельной ренты при социализме нельзя объяснить существованием двух видов социалистической собственности на средства производства. Так можно объяснить только хозяйственно-оперативную самостоятельность сельскохозяйственных кооперативов, которая является основой существования товарного производства и хозрасчетного хозяйствования кооперативов. Однако, из этого ни в коем случае еще не вытекает необходимость самостоятельности избыточного чистого дохода, созданного хозяйствованием на различных по плодородию и местоположению землях. Для этого недостает второго полюса, который представляет всенародная собственность на землю при социализме, являющаяся единственной причиной превращения этого избыточного чистого дохода в социалистическую дифференциальную ренту. Кроме того, групповая собственность является лишь следствием известной исторической ступени развития производительных сил в странах, строящих социализм; это не закономерное явление, а исторически специфическое лишь для некоторых стран. Поэтому при его помощи нельзя обосновывать социалистическую земельную ренту как объективную экономическую категорию социалистического способа производства. Впрочем, известная экономическая самостоятельность существует и в социалистическом государственном секторе, причем и тут происходит — хоть в меньшей степени, чем в кооперативных предприятиях — отделение отдельных государственных социалистических предприятий друг от друга и необходимость их объединения посредством денежно-товарных отношений. Товарное производство внутри государственной социалистической собственности не было сюда внесено извне вследствие существования двух форм социалистической собственности; оно возникает здесь первобытно, по собственным причинам. Результатом приобретения известной самостоятельности государственными предприятиями является также их хозрасчетное хозяйствование. Если додумать следствия этого состояния социалистических предприятий, нужно признать, что между государственными социалистическими предприятиями и государством возникают экономические соотношения, в том числе и экономическое отношение, обозначаемое как дифференциальная земельная рента. Это отношение между государством как собственником земли и отдельными государственными сельскохозяйственными предприятиями как субъектами хозяйствования на земле. Причиной его существования является всенародная собственность на землю, которая приводит к тому, что избыточный чистый доход государственных социалистических предприятий превращается в социалистическую дифференциальную земельную ренту.

Могло бы показаться, что сторонники взгляда о двух формах социалистической собственности, как причине дифференциальной ренты, соотносят ее

лишь с существованием сельскохозяйственных кооперативов. Поэтому интересно, что один из главных сторонников этой точки зрения, проф. А. И. Пашков, признает наличие дифференциальной ренты и в совхозах.³⁴ По его мнению, также дифференциальная рента в совхозах выражает особое производственное отношение совхоза к обществу, представляемому государством. Однако объяснить причину этого отношения удается его теории лишь с трудом. С одной стороны он указывает, что в виду сосуществования совхозов и колхозов общество признает затраты труда на худших участках у совхозов так же, как и у колхозов. Следовательно, если вместе с колхозами на земле хозяйствуют и совхозы, возникают рентные отношения между государством и совхозами. Известную часть ренты, реализованной в совхозах, по мнению Пашкова, получают работники совхоза. Однако с другой стороны он говорит, что дифференциальную ренту в совхозах нельзя считать лишь косвенным отражением существования дифференциальной ренты в колхозах. И в совхозе рента выражает известные производственные отношения, которые однако, как полагает проф. Пашков, до сих пор не были полностью открыты, и поэтому проблема должна еще изучаться.³⁵ Как видно, проф. Пашков противоречит своей точке зрения, причем единственным выходом из положения является изучение социалистической собственности на землю. Тем не менее этот шаг проф. Пашков не хочет сделать и высказывает свое несогласие с теми, кто говорит, что совхоз является владельцем земли. Он опасается, что этим были бы нарушены единство и неделимость государственной собственности и такое мнение называет подобным синдикализму.³⁶

Ко второй группе мы отнесли тех экономистов, которые видят экономическую причину существования дифференциальной ренты при социализме в товарном производстве и в действии закона стоимости. Товарное производство представляет рамки возникновения дифференциальной ренты, оно является общим условием ее существования. При помощи анализа товарного производства нам объясняется механизм образования дифференциального дохода. Дифференциальные доходы, конечно, могут создаваться во всех отраслях материального производства, в любом социалистическом предприятии, производящем в лучших условиях, чем средние, как разница между общественной стоимостью и индивидуальной стоимостью товаров. Однако в сельском хозяйстве наряду с временной разницей, связанной с уровнем техники, с организацией производства на отдельных предприятиях и т. п., существуют и относительно постоянные различия, связанные с разным плодородием и местоположением обрабатываемых участков, которые при наличии товарного производства и вследствие действия закона стоимости приводят к возникновению относительно постоянных дифференциальных доходов. Однако, только существование товарного производства и действие закона стоимости не дают ответа на вопрос, почему этот дифференциальный доход становится самостоятельным, принимая форму самостоятельной экономической категории — категории социалистической земельной дифференциальной ренты. Товарным производством никак нельзя объяснить превращение дифференциального дохода в дифференциальную ренту. Для достижения этой цели необходимо исследовать отношения, основой которых является земля, т. е. собственность на землю при социализме. Категория земельной ренты при социализме выражает именно эти отношения; она яв-

ляется реализацией социалистической собственности на землю. Только таким образом можно объяснить ее возникновение, вскрыть ее сущность.

Главным представителем третьей группы экономистов, которые считают причиной существования дифференциальной земельной ренты при социализме хозяйствование сельскохозяйственных кооперативов на земле, стал И. И. Козодоев. Этот свой взгляд он выразил в многочисленных статьях, брошюрах и книгах, а также в своей докторской диссертации. Там он говорит, что дифференциальная рента вытекает „из того объективного факта, что земля как объект хозяйствования на ней находится не в руках общества, а в руках данного хозяйства. В коллективных и единоличных хозяйствах земля как объект хозяйства принадлежит им, а не государству. Это и является непосредственной причиной образования дифференциальной ренты в этих хозяйствах“³⁷. (Здесь речь идет о дифференциальной ренте в период диктатуры пролетариата, поэтому Козодоев говорит не только о колхозах, но и о хозяйствах единоличников.)³⁷ Козодоев, а в частности некоторые из его сторонников³⁸ это мнение противопоставляют взгляду, что причиной дифференциальной ренты при социализме являются два вида социалистической собственности. Козодоев не согласен с тем, что дифференциальная рента при социализме, как экономическая категория, обусловлена колхозной собственностью на средства производства и на произведенную продукцию.³⁹ Однако это неправильно. Земля как объект хозяйствования в руках сельскохозяйственных кооперативов и кооперативная (групповая) собственность на средства производства — понятия неразделимые, органически связанные. Их нельзя противопоставлять друг другу. Хозяйствование кооперативов на земле, их монополия на землю как объект хозяйствования обязательно обусловлены существованием кооперативной собственности. Сельскохозяйственные кооперативы и их монополия на землю как объект хозяйствования существуют именно потому, что существует кооперативная собственность. По мнению И. И. Козодоева колхоз является собственником всей продукции, в том числе прибавочного продукта для общества, независимо от собственности на землю и независимо от собственности на сельскохозяйственные машины, единственно потому, что земля как объект хозяйствования принадлежит ему.⁴⁰ Очевидно, что в сельском хозяйстве пока нельзя получить никакой продукции без применения земли и что земля как объект хозяйствования имеет основное значение. Однако колхоз не становится собственником продукции потому, что он в своих руках имеет землю как объект хозяйствования, а прежде всего потому, что он на ней хозяйствует как колхоз и что тут существует кооперативная (групповая) социалистическая собственность. По моему мнению, между теми, кто причиной земельной дифференциальной ренты при социализме считают существование двух видов социалистической собственности, и теми, кто полагают, что причиной является земля как объект хозяйствования в руках кооперативов, нет такого принципиального различия, чтобы их следовало ставить друг против друга, как это часто имело место в дискуссии о земельной ренте при социализме.

Из чехословацких экономистов, участвовавших в дискуссии в журнале *Politická ekonomie* большинство также примкнуло к этой точке зрения, причем во взглядах отдельных экономистов подчеркивается тот или иной фактор или они объединяются,⁴¹ но не ставятся друг против друга.

Из указанной точки зрения вытекает, что дифференциальная рента при социализме образуется лишь в сельскохозяйственных кооперативах. Так И. И. Козодоев отрицает существование дифференциальной ренты в государственных сельскохозяйственных предприятиях⁴² и в добывающей промышленности. Если земля как объект хозяйствования находится в руках общества, как это имеет место у этих предприятий, избыточный доход не может приобретать форму дифференциальной ренты. Между кем, — спрашивает И. И. Козодоев, — здесь может возникнуть рентное отношение по поводу этого избыточного дохода? В государственных предприятиях весь созданный продукт — в том числе и избыточный продукт — является собственностью государства, так как государство не только собственник земли, главное, оно владеет землей как объектом хозяйства.

Интересно отметить, что в дальнейшем изложении Козодоев правильно указывает, что в связи с естественными условиями Советское государство получает из угольных копей т. наз. ренту и от лесозаводов особую таксу, т. наз. попенную плату. Он обосновывает это тем, что если бы государство не отнимало этот вследствие лучших естественных условий возникший излишек, то у предприятий, хозяйствующих при лучших условиях, образовалась бы намного бо́льшая прибыль. Приобретение этой более высокой прибыли находится в связи с естественной силой, на создание которой предприятия не имеют никакого влияния, а не со способностью совершенствовать производство, внедрять новую технику, новые методы труда, новую организацию и т. п. Если бы этот излишек не изымался государством, от отдельные государственные предприятия очутились бы в неравных условиях. У предприятий, хозяйствующих при относительно лучших естественных условиях, произошло бы ослабление стимулов для достижения более высокой эффективности затрат средств производства и живого труда и тем самым для повышения выпуска продукции. То, что относится к государственным предприятиям добывающей промышленности, о которых говорит Козодоев, относится, конечно, и к государственным предприятиям сельскохозяйственным. Однако, по Козодоеву, здесь речь идет не о рентном отношении. Государство изымает этот излишек у своих предприятий для того, чтобы для них создать необходимые хозрасчетные стимулы, однако, по мнению Козодоева, между государством и коллективом работников государственного предприятия не может возникнуть отношение, которое можно было бы называть рентой.

Это мнение исходит из неправильного понимания того факта, что и в государственной социалистической собственности объединение производителей в одно целое не абсолютно, так как здесь сохраняется известное относительное разъединение производителей, зависящее от уровня социалистических производительных сил. Вследствие этого могут образоваться, и действительно образуются, производственные отношения между отдельными государственными предприятиями, а также между государством и отдельными государственными предприятиями, несмотря на то, что эти отношения имеют другое содержание, чем аналогичные отношения кооперативов.

То, что земля находится в руках кооперативов как объект хозяйства, никак не может объяснить возникновения дифференциальной ренты как самостоятельной экономической категории, т. е. причины того, почему избыточный чистый доход кооперативов становится самостоятельным и превращается

в дифференциальную ренту. Монополия на землю как объект хозяйства является причиной возникновения дифференциального дохода как такового, но второй полюс рентного отношения при таком толковании отсутствует. Как мы увидим дальше, такое понимание обязательно приводит к тому, что обсуждается пригодность других названий вместо дифференциальной рента, что слово рента пишется в кавычках и т. п. Монополия производителей, хозяйствующих на лучших землях, приводит к образованию дополнительного прибавочного продукта (или чистого дохода), но никак не объясняет приобретения им самостоятельности в качестве дифференциальной ренты. В своем изложении мы уже показали общие условия возникновения дифференциальной ренты (т. е. возникновения избыточного прибавочного продукта), которыми, собственно говоря, уже определено положение коллективов, ведущих хозяйство на земле при социализме. Именно потому, что эти условия налицо, т. е. что и при социализме хозяйство ведется на землях разного плодородия и разного местоположения и что также в условиях социализма существует товарное производство и действует закон стоимости, именно потому происходит то явление, что земля как объект хозяйства находится, с одной стороны, в руках кооперативов, а с другой стороны — в руках государством на земле созданных коллективов. Она не находится непосредственно в руках общества.

И. И. Козодоев и остальные сторонники этого мнения отрицают какую-либо связь земельной дифференциальной ренты при социализме с собственностью на землю.⁴³ Тем не менее они не могут отрицать того, что рента является избыточным доходом для общества. Государство, как они признают, отнимает часть дифференциальной ренты у сельскохозяйственных кооперативов, но не в качестве собственника земли. В странах народной демократии государство не является собственником земли; земля здесь в большей своей части является частной собственностью крестьян, а все-таки государство тоже получает часть дифференциальной ренты. Очевидно, что И. И. Козодоев здесь смешивает категорию собственности с правом собственности, т. е. категорию экономическую с категорией надстройки, категорией правовой. Хотя право собственности является идеологическим отражением собственности в надстройке, оно в то же время имеет свое относительно самостоятельное развитие. Это значит, что право собственности может опережать отношения собственности, но может также отставать от них. Как и другие волевые отношения и идеи, в надстройке может продолжаться существовать и старое право собственности, хотя в экономической базе соответствующие экономические отношения больше не существуют и были заменены новыми, качественно отличными экономическими отношениями. Определить, о каком виде собственности на землю речь идет и каков ее характер, можно лишь на основании анализа действительного состояния, на основании анализа существующих экономических отношений. Ни в коем случае не следует исходить, как это делает проф. Козодоев, только из юридических предписаний.

Что же является, по мнению И. И. Козодоева и его сторонников, причиной того, что социалистическое государство получает часть дифференциальной ренты? Избыточный продукт (избыточный чистый доход) образуется в связи с использованием колхозниками бесплатной, свободно не воспроизводимой естественной силы (лучшее плодородие земли, лучшее местоположение участков), являющейся фактором более высокой производительности их

труда. Нетрудно узнать, что излишек, образование которого обусловлено наличием бесплатной естественной силы, является по существу — независимо от того, чьим трудом он был создан — дополнительным прибавочным продуктом, доходом общества. В дальнейшем Козодоев ставит себе вопрос, правильно ли, чтобы излишек, который принимает форму дифференциальной ренты, получало общество (в лице государства), так как в сущности это доход общества; или должно государство часть этого излишка предоставить тем, трудом которых он был создан? И он снова заявляет, что и при решении этого вопроса форма собственности на землю не играет никакой роли. По мнению Козодоева и большинства сторонников этой точки зрения, социалистическое государство оставляет часть ренты кооперативам (или единоличникам) с целью повышения их заинтересованности в производстве и укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Другую же часть государство получает не потому, что оно является собственником земли, а потому, что часть продукта, выступающая в форме дифференциальной ренты, по существу является избыточным продуктом для общества.

Такая трактовка неудовлетворительна; собственно говоря, она совсем не объясняет причины превращения дифференциального избыточного дохода в дифференциальную ренту. Она только признает, что действительно возникает отношение между государством и сельскохозяйственными кооперативами, поскольку дело касается избыточного чистого дохода, однако почему это так, она объяснить не в состоянии. Ссылаться на бесплатные силы природы — неправильно. Ведь люди в процессе производства везде используют естественные силы, но из этого факта вовсе не вытекает, что прибавочный продукт или любая его часть должны принадлежать обществу. Объяснить это превращение можно не чем иным, как тем, что как целый продукт, так и часть, образующая прибавочный продукт, принадлежат собственнику средств производства; следовательно, часть дополнительного прибавочного продукта, связанная с использованием земли и ее свойств, принадлежит тому, кто является собственником земли. А им при социализме является общество в лице социалистического государства, несмотря на юридическую собственность на землю.

Почему И. И. Козодоев так упорно отказывается признать, что дифференциальная земельная рента принадлежит обществу на основании его собственности на землю? Это потому, что Козодоев отождествляет социалистическую собственность на землю с капиталистической собственностью, или, точнее говоря, потому что И. И. Козодоеву и многим другим экономистам неясно понятие земельная собственность или даже собственность вообще. В этом именно заключается сущность дела, и поэтому анализу собственности на землю придется уделить особое внимание. Аргументация Козодоева исходит из того, что национализацией земля в СССР и в Монгольской Народной Республике была передана крестьянам в бесплатное и вечное пользование. Этому великому революционному мероприятию, по его мнению, противоречит то, что социалистическое государство присваивает себе дифференциальную ренту на основании прав земельного собственника. Присвоение земельной ренты по праву земельного собственника является не чем иным, как платой за землю, независимо от того, производится ли она в форме арендной платы, сельскохозяйственного налога или посредством низких сдаточных цен на сельскохозяйственные продукты. „Великое революционное

значение аграрных реформ, осуществляемых рабочим классом, как раз и состоит в том (но не только в этом), что пролетарская диктатура уничтожает многовековое гнусное право присваивать доходы только на том основании, что получатель этих доходов — собственник земли.⁴⁴ Не может быть более ясного доказательства того, что здесь действительно речь идет об отождествлении социалистической собственности на землю с капиталистической собственностью или что мы наталкиваемся на неправильное понимание содержания собственности на землю при социализме. Характер отношений между капиталистом-арендатором и собственником земли в капиталистическом обществе И. И. Козодоев механически переносит на отношения между сельскохозяйственными кооперативами и социалистическим государством. Поэтому в изъятии ренты государством (в реализации земельной собственности) он видит нечто чуждое самой природе социалистических производственных отношений и социалистического государства.

Считать реализацию всенародной собственности на землю платой за землю и тем самым, по существу, отрицанием национализации земли — глубоко ошибочно и является, очевидно, недоразумением. Экономисты, придерживающиеся этой точки зрения, на эту плату — передачу дифференциальной ренты государству — смотрят как на аренду, смешивая таким образом социалистическую земельную ренту с капиталистической рентой. Однако на деле она не имеет с арендой ничего общего, так как государство не взимает никакой платы за право пользоваться землей как объектом хозяйства. Оно не взимает никакой платы ни за какие участки, ни за какую землю. Кооперативы передают в руки государства только тот излишек чистого дохода, который образуется вследствие различных естественных или обществом созданных условий, не зависящих от кооперативов и от их работы.

Неправильно также смотреть на отношение между социалистическим государством и кооперативами аналогично как на отношение между частным земельным собственником и капиталистическим арендатором. Условиям социализма адекватна всенародная собственность на землю. Земля является собственностью социалистического общества, в том числе крестьян как членов общества. Крестьяне, трудящиеся на земле, не отделены от нее, земля принадлежит тем, кто на ней трудятся, однако свою собственность на землю крестьяне реализуют через посредство общества, т. е. государства, которое является представителем социалистического общества. Поэтому дифференциальная рента при социализме является доходом социалистического общества, которое использует ее на благо всего общества, в том числе и в интересах крестьян. Класс рабочих и класс крестьян при социализме имеют одинаковое отношение к земле как всенародной собственности, но имеют к ней различное отношение как к объекту хозяйства. Можно ли говорить о плате за землю, когда кооперативные крестьяне-члены социалистического общества пользуются землей, которая является собственностью социалистического общества? Станем на некоторое время на точку зрения И. И. Козодоева и остальных экономистов, разделяющих его мнение. Если мы будем считать — как они — дифференциальную ренту платой за землю, потом мы будем вынуждены также признать, что рабочий класс производит обществу тоже плату за пользование средствами производства, так как кроме необходимого продукта, который переходит в его личную собствен-

ность, он создает прибавочный продукт, переходящий в руки общества (государства). Общество как собственник средств производства присваивает прибавочный продукт, который используется на благо всего общества, т. е. не только рабочих, но и крестьян, которые через посредство государства как представителя социалистического общества реализуют свою собственность на средства производства. Одинаковое положение имеется в отношении дифференциальной ренты; общество как собственник земли, с которой образование избыточного чистого дохода находится в связи, присваивает эту часть прибавочного продукта. Рента потом используется на благо всего общества, крестьян и рабочих, которые так через посредство государства реализуют свою собственность на это основное средство производства в сельскохозяйственном производстве. Из этого всего вытекает, что присвоение ренты социалистическим обществом ни в коем случае нельзя считать платой за землю.

Социалистическому обществу (государству) принадлежит избыточный чистый доход с самого начала, еще перед его передачей, по праву всенародной собственности на землю. Лишь так этот избыточный чистый доход выступает как дифференциальная земельная рента. По существу рента принадлежит всему народу, так как всему народу при социализме принадлежит земля. Другой вопрос, оставляет ли государство часть дифференциальной ренты в сельскохозяйственных кооперативах или государственных предприятиях и какую часть оно там оставляет. Между тем как вопрос, кому принадлежит дифференциальная рента и почему, является вопросом принципиальным, вопросом теории дифференциальной ренты, второй вопрос является вопросом экономической политики. Хотя принципиально право на ренту при социализме принадлежит государству как собственнику земли, ее распределение между государством и сельскохозяйственными предприятиями всегда определяется целью и задачами экономической политики социалистического государства. Эти задачи вытекают из необходимости развития всего народного хозяйства, следовательно и развития сельскохозяйственного производства как государственного, так и кооперативного, а также из необходимости укрепления союза рабочего класса и класса колхозного крестьянства. Государство может оставить в сельскохозяйственных кооперативах часть ренты также в том случае, если там обеспечено применение ее для таких целей, достижение которых иначе обеспечивается государством как представителем всего общества (строительство дорог, культурные мероприятия, строительство детсадов и других общественных учреждений), так как в этих случаях рента используется для всенародных целей и не должна проходить через государственный бюджет. Равным образом часть ренты можно оставить для укрепления неделимых фондов, которые представляют экономическую базу постепенного сближения кооперативной собственности с всенародной собственностью. Экономическая политика социалистического государства меняется на отдельных этапах экономического развития, вследствие чего на разных этапах будет целесообразно оставлять в кооперативах ту или иную часть дифференциальной ренты. Несмотря на действительную величину ренты, передаваемой государству, дифференциальная рента как экономическая категория социализма представляет в количественном определении разницу между общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов и их индивидуальной стоимостью на лучших

землях, чем какими являются земли, определяющие стоимость. Принципиально вся дифференциальная рента потом является доходом социалистического общества и принадлежит государству как его представителю, являясь реализацией всенародной социалистической собственности на землю.

Рассмотрим еще некоторые взгляды чехословацкого экономиста Ярослава Кочи, который в основном придерживается той же точки зрения на причины образования дифференциальной ренты, как И. И. Козодоев. Я. Кочи правильно приводит, что „социализм по существу представляет производственно-потребительское сообщество трудящихся городов и деревни, которые совместным усилием используют природу и ее ресурсы для удовлетворения своих потребностей. Любая монополизация некоторого из естественных ресурсов как объекта собственности части общества с целью достижения экономических выгод, вытекающих из этой монополизации, чужда смыслу и задачам социалистического способа производства.“⁴⁵ Я. Кочи здесь весьма выразительно указал одну из главных черт социалистических революционных перемен в деревне: устранение условий монополизации земли как объекта собственнических отношений частью социалистического общества, устранение возможности превращения земли в источник не зависящих от труда доходов для известной части общества. Это именно то, о чем Маркс писал во многих своих трудах, что частная собственность на землю означает монополию отдельных лиц на это весьма важное средство производства и что вследствие этого социализм несоединим не только с частной собственностью на землю (впрочем, она не адекватна и капиталистическому способу производства), но и с групповой собственностью. И групповая собственность на землю означает монополию известной группы лиц и незаслуженные выгоды по сравнению с другими группами общества. Социализм значит равенство всех людей в их отношении к средствам производства, а такое равенство нарушается не только частной, но и групповой собственностью на землю. Поэтому земля в условиях социализма должна стать всенародной собственностью. Однако Я. Кочи в борьбе против взгляда, что земельная рента при социализме является экономической реализацией земельной собственности, после посылок, с которыми можно полностью согласиться, приходит к заключению, с которым вовсе нельзя согласиться. Он пишет: „Таким образом при социализме, как я полагаю, присваивание избыточного прибавочного продукта перестает выражать экономическую реализацию „монополии земельной собственности“ любого вида. Наряду с этим, избыточный прибавочный продукт, создаваемый более производительным трудом производителей, ведущих хозяйство на лучших землях, перестает быть носителем особых отношений, отношений между земельным собственником и хозяином на земле — рентных отношений. Так прекращается и его превращение в дифференциальную ренту как форму земельной ренты“.⁴⁶ А все-таки отменить монополию земельной собственности известной группы людей внутри социалистического общества нельзя иначе, как переходом земли во всенародную собственность. Лишь всенародная собственность позволяет одинаковый равный доступ к земле для всех граждан государства, ставит производителей в действительно одинаковое отношение к основному средству производства — земле. Ни в коем случае не следует ставить в одну плоскость феодальную или капиталистическую отделенность собственности на землю от землепользования с какой-то новой, социалис-

тической отделенностью (как выражается Я. Кочи), монополию частной собственности на землю с монополией собственности на землю социалистического государства. К ликвидации монополизации земли можно прийти именно тем, что собственность на землю станет „монополией всего общества“ (что, конечно, *absurdum in adiecto*); другими словами, земля перейдет в собственность всего общества, чем ликвидируется какая-либо монополия отдельных лиц или групп. Однако притом необходимо учесть, что речь идет не только о каком-нибудь юридическом мероприятии, а о процессе изменений в экономических отношениях, что означает, что в течение некоторого времени известные остатки монополии земельной собственности переживают и при социализме. Если, однако, разбирать теорию земельной ренты при социализме, необходимо предполагать существование некоторых явлений и отношений в чистом виде и абстрагировать от тех остатков, которые не имеют решающего влияния для оценки существующего положения. Поэтому можно сказать, что социализму адекватна всенародная собственность на землю и что социалистическая дифференциальная рента является выражением этой всенародной земельной собственности. Если бы сельскохозяйственные кооперативы присваивали ренту, потом они выступали бы в экономическом смысле как земельные собственники и здесь постулировалась бы монополия, чуждая социалистическому способу производства.

Сторонники тезиса, что социалистическое общество присваивает дифференциальную ренту, но не на основании собственности на землю, логически доходят до отрицания категории земельной ренты. Так напр. И. И. Козлов заявляет,⁴⁷ что термин „дифференциальная земельная рента“ для социализма непригоден и что его следует заменить новым термином „крестьянский владельчески-земельный разностный доход“; однако в целях всеобщей понятности он в книге пользуется общепринятым термином, причем слово „рента“ пишет в кавычках. Термин „дифференциальная рента“ пишет в кавычках также Я. Кочи и заявляет, что им можно пользоваться и впредь, „конечно, лишь с тем, что это понятие перенесенное, социально-экономическое содержание которого в процессе возникновения и развития социалистических производственных отношений было превзойдено“.⁴⁸ Одинаково мы могли бы продолжать и в отношении остальных сторонников этого взгляда. Это является результатом того, что эти авторы утрачивают какую-либо экономическую связь этой категории с землей. Но так как эта связь существует, речь идет о понятийно одинаковом экономическом отношении, о той же экономической категории, носящей однако совершенно другой социально-экономический характер. Поэтому следует отвергнуть как излишние и даже ошибочные попытки придумать новые названия для этой категории, которые не могут принести ничего полезного для развития экономической теории, а скорей могут ей повредить. Такие попытки можно сравнить с прежними попытками устранения терминов необходимый продукт, прибавочный продукт, прибыль и т. п. из политической экономии социализма, бесполезность которых давно уже была доказана.

Что касается четвертой группы взглядов, ей не надо особенно заниматься, так как она представляет комбинацию мнений, которые мы уже разобрали. Что относится к этим мнениям в отдельности, действительно и о их комбинациях.

Взгляды, о которых мы упоминали в последующих двух группах, можно

при обсуждении их объединить, так как они находятся в тесной взаимосвязи: это взгляд, что причиной возникновения дифференциальной ренты при социализме является, с одной стороны, обеспечение равных условий воспроизводства для всех сельскохозяйственных кооперативов, с другой стороны — обеспечение условий для воздействия экономического закона распределения по труду при помощи изъятия государством избыточного дифференциального дохода. Оба эти мнения выражают атрибуты социалистической всенародной собственности на землю, характер которой требует, чтобы были обеспечены одинаковые условия хозяйствования для коллективов, обрабатывающих землю, и принцип оплаты по труду. Оба эти взгляда отражают лишь то, что является второстепенным для исследования дифференциальной ренты при социализме; первоочередной является всенародная собственность на землю, охватывающая оба приведенных принципа. Отрывая избыточный чистый доход и его превращение в дифференциальную ренту от связи с землей, эти взгляды приводят к сомнениям, можно ли распределенный избыточный чистый доход называть дифференциальной рентой.

Изъятием дифференциальной ренты экономически реализуется всенародная собственность на землю и проявляется тот факт, что земля как основное средство производства в сельском хозяйстве обязательно принадлежит всему народу. Изъятием дифференциальной ренты государство ликвидирует монополию частной и групповой собственности на землю и предотвращает монополистическое присваивание ренты, которое ни в коем случае не находится в соответствии с системой социалистических производственных отношений. Изъятием дифференциальной земельной ренты и ее использованием на благо всего общества также обеспечивается равный доступ к земле. Все коллективы, ведущие хозяйство на земле, ставятся в одинаковые экономические условия по отношению к земле как естественному средству производства, на землях какого плодородия и местоположения бы они ни работали. При таком равном доступе все сельскохозяйственные кооперативы при одинаковых затратах труда и средств производства и при одинаковом уровне своего труда получают одинаковые доходы, а при остальных равных условиях за ту же работу могут получать и ту же оплату. Оставление дифференциального дохода в кооперативах, где он был создан, значило бы нарушение принципа оплаты по труду, так как такие кооперативы могли бы выплачивать различную оплату за одинаковое количество труда того же качества, которое было затрачено в их совместном хозяйстве. Притом нужно учесть, что лучший результат тут не зависит ни от трудового, ни от материального усилия того или иного коллектива; он не зависит и от высшей квалификации работников, от большей интенсивности их труда и от качества затраченного труда. Лучшего результата было достигнуто вследствие более высокой производительности труда, являющейся следствием лучших, от коллектива, хозяйствующего на земле, не зависящих природных или экономических условий. Некоторые экономисты изображают изъятие дифференциальной ренты при социализме почти как какой-то вид эксплуатации, ссылаясь на ее трудовое происхождение. Верно, что рента образуется трудом колхозников, однако лишь благодаря повышенной производительности труда на лучших участках. Изъятие дифференциальной ренты государством не только не противоречит законам социалистической экономики, а является, наобо-

рот, обеспечением условий их действия. Путем изъятия дифференциальной ренты государство, между прочим, обеспечивает также условия для действия экономического закона распределения по труду; этим оно не только не ослабляет материальную заинтересованность в развитии сельскохозяйственного производства, а укрепляет ее. При таких условиях свой доход могут повысить все коллективы, работающие на земле любого плодородия или местоположения, лишь повышением интенсивности сельскохозяйственного производства и систематическим снижением затрат на единицу продукции, а не реализацией избыточного прибавочного продукта, возникшего на основании условий, на создание которых коллективы не имели никакого влияния.

Обратим еще внимание на точку зрения чехословацкого экономиста Ладислава Клинка, выраженную им в его статье в дискуссии журнала *Politická ekonomie*.⁴⁹ Что касается причины наличия дифференциальной ренты, Клинка в основном исходит из той же точки зрения как И. И. Козодоев и его сторонники. Изъятие государством дифференциальной ренты Клинка мотивирует созданием условий для действия экономического закона распределения по труду и в рамках всего кооперативного сектора. Государство изымает ту часть валового дохода известной группы кооперативов, которой другая группа кооперативов, ведущих хозяйство в худших естественных и экономических условиях, объективно не может добиться и которую не может использовать как источник оплаты, общего потребления и внутрикооперативных накоплений. Однако, по мнению Л. Клинка, изъятая часть реализованного дифференциального прибавочного продукта не является выражением экономической реализации всенародной собственности на землю, между прочим, также потому, что социалистическое государство в действительности не присваивает в процессе реализации изъятые средства в целях применения их для удовлетворения потребностей всего общества, а возвращает их в кооперативный сектор. Это свое положение он стремится доказать при помощи данных, в которых он сравнивает величину отчислений государству в отдельных производственных областях с величиной прямой помощи государства ЕСХК (для производства и для расширенного воспроизводства) в расчете на один гектар в среднем за 1960—1961 гг. Эти данные показывают, что за эти годы наше общество путем прямой помощи перевело в кооперативный сектор больше средств, чем из него изъяло. В связи с этим Клинка приходит к заключению, что орудия нашей заготовительной системы (налог и прямая финансовая помощь) выполняют лишь перераспределительную функцию в рамках кооперативного сектора, а не функцию орудий экономической реализации всенародной собственности на землю. Таким образом государство только переводит часть стоимости сельскохозяйственных продуктов из кооперативов, хозяйствующих в лучших условиях, в кооперативы в худших условиях. Этим своим участием в распределении дифференциальной ренты государство в определенной степени решает противоречие внутри кооперативного сектора, возникающее на данной ступени развития групповой кооперативной собственности вследствие того, что отдельные кооперативы ввиду своей политико-экономической самостоятельности монополистически используют влияние более благоприятных естественных условий на производительность труда.⁵⁰

Эти взгляды Л. Клинка я привожу потому, что здесь происходит очевид-

ное отождествление поверхностных явлений с сущностью. Это, впрочем, недостаток, встречающийся и у многих других экономистов. У Л. Клинка происходит очевидно отождествление цены и стоимости. В своей таблице, в которой он сравнивает разности между отчислениями из кооперативов и денежной помощью государства кооперативам, он исходит из заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты, установленных примерно по уровню средних условий. В таком случае, конечно, самые цены содержат элемент изъятия дифференциальной ренты. Это ясно видно по схематическому примеру, который Клинка приводит: здесь государство фактически изъяло дифференциальную ренту у кооперативов со средними естественными условиями и часть дифференциальной ренты, возникшей в кооперативах с лучшими естественными условиями. Вторая часть этой ренты передается через государственный бюджет в кооперативы, хозяйствующие в худших естественных условиях, у которых в данном случае появляется отрицательная разность между рыночной ценой и индивидуальной стоимостью. В примечании я показываю ради наглядности таблицу Клинка (в которой рыночная цена отождествлена с рыночной стоимостью) и таблицу, какой она, по моему мнению, должна была бы быть.⁵¹

Обсудивши и оценивши отдельные взгляды, мы полагаем, что можно считать доказанным, что лишь мнение, что дифференциальная рента является реализацией всенародной социалистической собственности на землю, может полностью и доказательно объяснить возникновение этой экономической категории социализма. Основой земельной ренты всегда является земельная собственность. Экономическая категория земельной ренты при капитализме является специфическим выражением реализации *частной* капиталистической собственности на землю, а социалистическая дифференциальная рента является специфическим выражением *всенародной* социалистической собственности на землю. Из этого и вытекают различия в содержании этих экономических категорий. Искать какие-то другие причины существования дифференциальной ренты при социализме значит покидать марксистскую теорию земельной ренты, доходить до ее отрицания, отвергая дифференциальную земельную ренту при социализме или прямо, или косвенно, т. е. стремлением заменить термин рента другим названием. Социально-экономическое содержание ренты в условиях социализма существенно меняется, но ее основой остается земельная собственность.

Первую цельнооформленную картину земельной ренты при социализме как экономической реализации земельной собственности дал проф. Т. Л. Басюк.⁵² Однако проф. Басюк полагает, что причиной превращения избыточного дохода в ренту как экономическую реализацию собственности на землю является наличие двух форм собственности на средства производства: всенародной (в том числе собственности на всю землю или на ее существенную часть) и кооперативно-колхозной.⁵³ Такое соединение дифференциальной ренты с явлением, которое не является закономерным для социализма, и дальнейшее логическое развитие этой мысли приводит проф. Басюка к заключениям, ограничивающим дифференциальную ренту лишь на отношения между колхозами и социалистическим государством. Неубедительно также обоснование дифференциальной ренты в странах народной демократии. Здесь проф. Басюк обращается против тех, кто утверждают, что в эпоху диктатуры пролетариата рента не является формой экономической

реализации земельной собственности и обосновывают свое утверждение тем, что в странах народной демократии государство, хоть и не является собственником значительной части обрабатываемой земли, получает ренту. Против этого проф. Басюк приводит, что леса, вода, недровые богатства, часть сельскохозяйственной земли, лугов и пастбищ, т. е. большая часть земной поверхности, являются всенародной собственностью; вследствие этого всенародная собственность имеет решающее значение, определяет характер и направление развития экономики этих стран, а также регулирует рентные отношения.⁴⁵ Хотя здесь проф. Басюк критикует формальный приступ некоторых экономистов к вопросу объема и значения государственной всенародной собственности на землю в странах народной демократии, он сам говорит о части сельскохозяйственной земли, находящейся в частной собственности (хоть и — как он говорит — ограниченной). Здесь очевидно произошло некоторое смешение собственности на землю с правом собственности на землю.

Еще резче такое смешение проявляется в статье И. Баланчивадзе.⁵⁵ По его мнению причиной существования дифференциальной ренты в социалистическом обществе является монополия на землю как объект хозяйства, обусловленная ограниченностью земельной площади. В то же время он признает, что дифференциальная рента является экономической формой реализации земельной собственности. В СССР, где земля находится в государственной собственности, дифференциальная рента является формой, в которой реализуется государственная собственность на землю. Однако в отношении стран народной демократии Баланчивадзе стоит на другой точке зрения. Тут, по его мнению, нельзя говорить о том, что государство получает ренту, так как земля не принадлежит государству. Вследствие земельных реформ значительная часть земли в этих странах была передана трудящемуся крестьянству в частную собственность. „Возможно ли в таких условиях возникновение рентных отношений между трудящимися крестьянами и государством? По нашему мнению, нет. Дифференциальная рента существует в народно-демократических странах, но ее присваивает крестьянин-собственник земли, а не государство. В этих странах крестьяне уплачивают государству налоги, которые нельзя смешивать с дифференциальной рентой. Государство получает дифференциальную ренту лишь от государственных хозяйств.“⁵⁶ Если оставить в стороне тот факт, что Баланчивадзе как причину экономической категории приводит естественный фактор, как и то, что он очевидно смешивает дифференциальный доход как материальную основу дифференциальной ренты с дифференциальной рентой как экономическим отношением, возникающим на этой основе, то из приведенной цитаты вытекает, что Баланчивадзе допускает элементарную ошибку, отождествляя право собственности как явление надстройки с собственностью как явлением экономического базиса. В Советском Союзе государство является собственником земли в результате проведения национализации, и поэтому крестьяне передают ему ренту. В странах народной демократии крестьяне остаются собственниками земли, и поэтому дифференциальная рента остается им. Значит, по Баланчивадзе крестьяне в СССР в явном проигрыше по сравнению с крестьянами народно-демократических стран, как это и комментирует И. И. Козодоев, критикуя взгляды Баланчивадзе.⁵⁷ Баланчивадзе абсолютизирует собственность на землю саму по себе (пра-

вильнее — собственность в юридическом смысле, т. е. право собственности) и не видит целого комплекса производственных отношений, составляющих собственность в действительности.

И эти наши примеры показывают, что упрощенное понимание основных экономических категорий, в частности сталинская концепция экономических отношений, все еще выразительно переживает в современной экономической литературе и является источником многочисленных осложнений и трудностей при исследовании и объяснении разных экономических явлений социалистической экономики.⁵⁸ Для понимания и правильного толкования дифференциальной земельной ренты при социализме оказывается необходимым правильное объяснение категории собственности на землю при социализме. Без ее понимания и без объяснения ее связи с целым комплексом производственных отношений нельзя будет устранить до сих пор существующую путаницу различных, часто противоречащих друг другу мнений о дифференциальной ренте при социализме и продвинуться так к созданию общепринятой теории дифференциальной ренты, правдиво отражающей объективную действительность в каждом направлении.

Перевел М. Ваха

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ К. Маркс, Капитал, т. III., Госполитиздат, Ленинград, 1949 г., стр. 627 и сл.
- ² К. Маркс, Капитал, т. III., цит. издание, стр. 660.
- ³ К. Маркс, Капитал, т. III., цит. изд., стр. 646.
- ⁴ И. И. Баланчивадзе, Дифференциальная земельная рента в СССР, Тбилиси, 1959 г.; приводится по книге И. И. Козодоева „Земельные отношения в социалистических странах“, Москва, 1960 г., стр. 171.
- ⁵ Маркс—Энгельс, Соч., т. 4, стр. 189, чешское издание; свободный перевод.
- ⁶ Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве, Госпланиздат, Москва, 1959 г., стр. 149—152.
- ⁷ По статье П. Малышева „Дифференциальная земельная рента при социализме (научная конференция в Московском университете)“ в журнале Экономические науки, Москва, № 3, 1959 г.
- ⁸ С. Струмилин, О дифференциальной земельной ренте в условиях социализма, Вопросы экономики, № 7, 1960 г., стр. 81—97.
- ⁹ Там же, стр. 84.
- ¹⁰ И. Марков, Дифференциальная рента или дифференциальный доход в колхозах, Вопросы экономики, № 11, 1960 г.
- ¹¹ См. Вопросы экономики, № 10, 1962 г., стр. 111.
- ¹² М. М. Соколов, О дифференциальной ренте и чистом доходе при социализме, доклад на конференции, сборник „Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве“, Москва, 1959 г., стр. 45—65. (Приводимая цитата на стр. 65.)
- ¹³ И. И. Козодоев, Земельная рента в эпоху диктатуры пролетариата, Москва, 1957 г., стр. 24 и 47. Эти взгляды встречаются и в более поздних трудах Козодоева; см. напр. И. И. Козодоев, Земельные отношения в социалистических странах (Очерк теории), Москва, 1960 г., стр. 187.
- ¹⁴ Jaroslav Kočí, K některým otázkám „diferenciální renty“ za socialismu, Politická ekonomie, No 4, 1961.
- ¹⁵ Ján Vača, Diferenciální renta za socialismu, Politická ekonomie, No 5, 1961.
- ¹⁶ Gabriela Olmová, O diferenciální rentě za socialismu, Politická ekonomie No 7, 1961.
- ¹⁷ А. И. Пашков, О дифференциальной ренте при социализме (доклад на конференции) — „Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве“, стр. 26.
- ¹⁸ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 817—818.
- ¹⁹ Цит. работа С. Струмилина, стр. 81 и сл.

- 20 Из советских авторов напр. В. А. Первушин, И. И. Козодоев, М. П. Осадько, Г. Ф. Руденко, Н. Д. Колесов, В. З. Зашнепринец, Я. Г. Раков и др.; из чешских экономистов напр. Габриела Олмова, Ян Баца, Ярослав Кочи и др.
- 21 Из советских авторов сторонниками этого мнения являются А. И. Пашков, М. М. Соколов, Н. А. Цаголов, М. И. Несмий, А. А. Овчинников, Ю. Н. Пахомов, А. Черемнов, П. А. Тимохин, З. С. Захарян и др.
- 22 Из советских авторов напр. В. А. Минеев, В. Л. Штипельман, Н. В. Симонов, В. И. Тер-Петросян, А. В. Вачурин и др.
- 23 Напр. Я. Г. Раков (Минск).
- 24 Напр. И. Б. Загайтов (совхоз „Масловский“ Воронежской области), Т. Минков (Болгария).
- 25 Сюда относятся напр. проф. А. И. Пашков (см. сборник Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве, стр. 20, стр. 239), М. П. Осадько (тот же сборник, стр. 107) и др.
- 26 К. Маркс, Капитал, т. III., стр. 674—675; Маркс на этом месте — равно как и в произведении Теории прибавочной стоимости, т. II., (Москва, 1957 г., стр. 99) — имел в виду такое общество, в котором не будет существовать товарное производство и где не только собственность на землю, но и земля как объект хозяйства будет в руках всего общества и где вследствие этого отпадет необходимость особой формы экономической реализации земельной собственности — дифференциальной земельной ренты.
- 27 М. М. Соколов (сборник Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве: страна 45 и 233), А. В. Баручин (там же, стр. 137), М. И. Несмий (там же, стр. 153), Н. А. Цаголов (там же, стр. 222) и др.
- 28 Г. Н. Худокормов (цит. сборник, стр. 142), И. И. Анисимов (там же, стр. 115), И. И. Козодоев (там же, стр. 202, а также на различных местах других в работах), Я. С. Кумаченко (там же, стр. 167) и другие советские экономисты; из чехословацких экономистов напр. Г. Олмова (Politická ekonomie, № 7, 1961 г., стр. 653; также в книге Ekonomické základy cen zemědělských výrobků v socialismu, Praha, 1962, стр. 295).
- 29 См. напр. М. Ф. Ковалева (цит. сборник стр. 66).
- 30 Напр. Ján Bača, K otázce diferenciální renty v JZD, Praha, 1961, стр. 67—68; Politická ekonomie, No 5, 1961, стр. 461.
- 31 См. напр. В. Н. Кириченко (цит. сборник, стр. 122).
- 32 Напр. А. А. Овчинников (цит. сборник, стр. 136).
- 33 Напр. Т. Л. Басюк (Дифференциальная рента в социалистическом хозяйстве, Москва, 1959 г., стр. 16); С. В. Астахов (по статье П. Малышева Дифференциальная земельная рента при социализме, „Экономические науки“, № 3, 1959 г.); также Г. С. Саркисян, В. М. Агеев, М. Л. Бронштейн, С. Г. Дряхлушин (Вопросы экономики, № 10, 1962 г., стр. 107) и др.; из чехословацких экономистов в дискуссии помимо меня (Politická ekonomie, № 4, 1962 г., стр. 322 и сл.) в пользу этого взгляда высказался также Франтишек Студынка (Politická ekonomie, № 7, 1962 г., стр. 606).
- 34 См. доклад на конференции МГУ (сборник Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве, стр. 86) и заключительное слово на той же конференции (там же, страна 252).
- 35 Цит. сборник, стр. 252—253.
- 36 Там же, стр. 252.
- 37 И. И. Козодоев, Земельные отношения в социалистических странах, стр. 173.
- 38 См. напр. Я. С. Кумаченко, сборник Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве, стр. 167.
- 39 См. Земельные отношения в социалистических странах, стр. 174—176, также Дифференциальная земельная рента при социализме, Москва, 1956 г., стр. 8.
- 40 Дифференциальная земельная рента при социализме, стр. 22; также Земельные отношения в социалистических странах, стр. 174—176.
- 41 См. Politická ekonomie, № 4, 5, 7, 1961 г. — Кочи, Баца, Олмова и также № 9, 1962 г. — Клинка.
- 42 См. напр. Земельные отношения в социалистических странах, стр. 172.
- 43 См. там же, стр. 179; также Земельная рента в социалистических странах, Москва, 1958 г., стр. 28 и др.
- 44 Земельные отношения в социалистических странах, стр. 183.
- 45 Jaroslav Kočí, K některým otázkám „diferenciální renty“ za socialismu, Politická ekonomie, No 4, 1961, стр. 328.
- 46 Цит. статья, стр. 328.
- 47 Земельные отношения в социалистических странах, стр. 224—225.

⁴⁸ Politická ekonomie, № 4, 1961, стр. 332.

⁴⁹ Politická ekonomie, № 9, 1962, стр. 798.

⁵⁰ Politická ekonomie, № 4, 1962, стр. 805—806.

⁵¹ Л. Клинка в журнале Politická ekonomie, № 9, 1962 г., показывает ход своих мыслей при помощи следующей таблицы:

Группа производителей	Продукция с 1 га (в центнерах)	Разность между рыночной стоимостью и индив. стоимостью (3—5)	Цена на 1 ц	Рыночная стоимость продукции с 1 га (2×4)	Индивидуальная стоимость продукции с 1 га в кронах
1	2	3	4	5	6
I.	15	3 000	114,30	1 714,50	+ 1 285,50
II.	20	3 000	114,30	2 285,50	+ 714,50
III.	30	3 000	114,30	3 418,50	— 428,50
IV.	40	3 000	114,30	4 571,50	— 1 571,50
Всего	105	12 000		12 000,—	

В действительности таблица должна была бы выглядеть следующим образом:

Группа производителей	Продукция с 1 га (в ц)	Индивид. стоимость продукции с 1 га в кронах	Стоимость 1 п	Обществ. стоимость продукции с 1 га	Диффер. рента (5—3)	Заготов. цена 1 ц	Заготов. цена продукции с 1 га в кронах	Разность между загот. ценой и индив. стоимостью продукции с 1 га (8—3)	Диффер. рента, вычитан посредством загот. цен (5—8)	Разность между рыночной дифф. рентой и дифф. рентой (10—6)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I.	15	3 000	200	3 000	—	114,30	1 714,50	— 1 285,50	1 285,50	+ 1 285,50
II.	20	3 000	200	4 000	1 000	114,30	2 285,50	— 714,50	1 714,50	+ 714,50
III.	30	3 000	200	6 000	3 000	114,30	3 428,50	+ 428,50	2 571,50	— 428,50
IV.	40	3 000	200	8 000	5 000	114,30	4 571,50	+ 1 571,50	3 428,50	— 1 571,50
Всего	105	12 000	—	21 000	9 000	—	—	—	9 000,—	

⁵² Дифференциальная рента в социалистическом сельском хозяйстве, Соцэктгиз, Москва, 1959 г.

⁵³ Там же, стр. 16. Одинаковое мнение появилось и в советском учебнике политической экономии социализма для вузов. См. Politická ekonomia socializmu, Bratislava, 1962 (перевод русского оригинала, Соцэктгиз, 1960 г.), стр. 267.

⁵⁴ См. Politická ekonomia socializmu, стр. 267; также Дифференциальная рента в социалистическом хозяйстве, стр. 16—17.

⁵⁵ См. Вопросы экономики, № 8, 1961, г., стр. 104.

⁵⁶ Там же, стр. 105—106.

⁵⁷ И. И. Козодоев, Земельные отношения в социалистических странах, стр. 182—183.

⁵⁸ На это обстоятельство обращает внимание также проф. Ота Шик в своем выдающемся произведении Ekonomika, zájmy, politika (Praha 1962), в котором он показал, в чем это упрощение заключается и каково правильное марксистско-ленинское понимание общих экономических категорий.

ДИФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА ЯКО КАТЕГОРИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЕДЕЛЬСКОЙ ПРОИЗВОДСТВА И ПРИЧИНЫ ЕЕ ВОЗНИКАНИЯ

Všeobecnými předpoklady existence diferenciální renty jsou jednak omezenost půdy a z toho vyplývající nutnost obdělávat i půdy horší bonity nebo polohy k uspokojení společenské potřeby zemědělských produktů, jednak existence zboží výroby za socialismu, která vede k tomu, že výrobci vyrábějící za podmínek lepších, než jsou podmínky určující hodnotu, dosahují diferenciální důchod, který tvoří materiální základ diferenciální renty.

Diferenciální důchod nelze ztotožňovat s diferenciální rentou samou. Diferenciální renta je ekonomická forma tohoto nadbytečného důchodu, určitý společensko-ekonomický vztah, jehož základem je diferenciální důchod jako výsledek práce vynakládané v příznivějších přírodních podmínkách. Proto je třeba také rozlišit příčiny tvorby diferenciálního důchodu a příčiny vzniku diferenciální renty, tzn. příčiny toho, proč se diferenciální důchod mění v diferenciální rentu.

Autor nejprve uvádí názory některých sovětských ekonomů, popírajících existenci diferenciální renty za socialismu. Ukazuje, že všem přímým odpůrcům diferenciální renty je společné to, že ji považují za něco cizího socialistickým výrobním vztahům, co těmto vztahům přímo odporuje. Více než přímých odpůrců diferenciální renty za socialismu je těch, kteří sice slovy diferenciální rentu za socialismu uznávají, avšak fakticky ji v důsledku svých teoretických východisek popírají. Zvláštní pozornost věnuje autor názorům akademika Strumilina a ukazuje, že ačkoliv vystupuje jako odpůrce existence diferenciální renty za socialismu, svými vývodů ve skutečnosti její existenci potvrzuje a prokazuje nutnost jejího odčerpání celou společností.

Autor sám zastává názor, že diferenciální renta za socialismu existuje jako objektivní výrobní vztah v socialistické výrobě, jehož základem je diferenciální čistý důchod, vyplývající z lepších, relativně stálých výrobních podmínek zemědělské výroby. Sociálně ekonomický charakter této kategorie je ovšem jiný než za kapitalismu v důsledku jiných podmínek v socialistické ekonomice. Jelikož tu však stále jde pojmově o tentýž vztah, o tutéž kategorii, bylo by zbytečné a dokonce nesprávné vymýšlet pro tuto kategorii jiný termín. Kvantitativně je diferenciální renta za socialismu určena rozdílem mezi společenskou hodnotou zemědělských produktů a jejich individuální hodnotou za lepších přírodních podmínek, než jsou podmínky určující hodnotu.

I když tento názor je uznáván většinou sovětských i našich ekonomů, nebylo dosaženo jednotného názoru v jednotlivých otázkách. Jde zejména o otázku, zda diferenciální renta je omezena na sféru družstevní zemědělské výroby, či zda rentové vztahy vznikají i uvnitř státního sektoru. Autor ve své stati prokazuje, že výrobní vztah, vznikající mezi státem a státním zemědělským podnikem, i když se pochopitelně v určité míře liší od výrobního vztahu mezi státem a zemědělskými družstvy, nicméně jasně si zachovává charakter diferenciální renty. Jednotného názoru nebylo dosaženo ani v otázce, kterou část dodatečného čistého důchodu zemědělského podniku je třeba považovat za pozemkovou rentu. Někteří sovětské ekonomové považují za rentu jen tu část dodatečného důchodu, která přechází od zemědělského družstva do rukou státu, jiní naopak jen tu část, kterou stát neodčerpává a která zůstává v zemědělském družstvu. Oba tyto názory je nutno odmítnout jako nesprávné, neboť činí vznik renty a její velikost závislými na subjektivních činitelích, na právních normách, jimiž je odčerpávána renta do rukou socialistického státu. Diferenciální pozemková renta je objektivní ekonomickou kategorií socialismu. Její existence i velikost je tedy vyzena určitými objektivními ekonomickými podmínkami.

Pokud jde o bezprostřední příčiny a podmínky vzniku kategorie diferenciální renty v socialistické společnosti, vyskytují se různé názory, které autor shrnuje do 7 hlavních skupin. Jejich stoupenci vidí příčinu existence diferenciální renty za socialismu:

1. v existenci dvou forem socialistického vlastnictví;
2. v existenci zboží výroby a působení zákona hodnoty za socialismu;
3. v monopolu na půdu jako objekt hospodaření v rukou zemědělských družstev;
4. ve dvou faktorech, a to jedně v monopolu na půdu jako objekt hospodaření ve spojení s existencí zboží výroby, druhé pak ve dvojím socialistickém vlastnictví výrobních prostředků a ve výsadním postavení družstev hospodařících na lepších půdách;
5. v odejmutí nadbytečného důchodu družstev státem v důsledku nutnosti zajistit stejné podmínky reprodukce pro všechna družstva;
6. v odejmutí nadbytečného čistého důchodu za účelem zajištění požadavků ekonomického zákona rozdělování podle práce;

7. v realizaci všelidového vlastnictví půdy za socialismu.

Autor se přiklání k poslednímu názoru a ukazuje, že jedině tak je možno logicky zdůvodnit vznik diferenciací renty za socialismu a že máme-li oprávněně mluvit o pozemkové rentě za socialismu jako ekonomické kategorii, nemůže jít o nic jiného než o ekonomický vztah mezi subjektem hospodaření na půdě a vlastníkem půdy. Autor se kriticky vypořádává s jednotlivými názorovými skupinami, přičemž zvláštní pozornost věnuje zejména názorům sovětského ekonoma I. I. Kozodojeva, hlavního reprezentanta třetí skupiny ekonomů, protože k těmto názorům se přiklonila také většina československých ekonomů, kteří se zúčastnili diskuse o diferenciací pozemkové rentě za socialismu v časopise „Politická ekonomie“.

V průběhu polemiky s jednotlivými názorovými skupinami objasňuje autor svůj názor na jednotlivé problémy a prokazuje, že jedině názor, že diferenciací renta je realizací všelidového socialistického vlastnictví půdy, plně a průkazně vysvětluje vznik této ekonomické kategorie socialismu. Pro pochopení a správný výklad teorie diferenciací pozemkové renty za socialismu se ukazuje jako nezbytné správné osvětlení kategorie vlastnictví půdy za socialismu. Bez jeho pochopení a bez objasnění jeho souvislosti s celým komplexem výrobních vztahů nebude možné odstranit dosavadní změn různých — často kontradiktorních — názorů na diferenciací rentu za socialismu a vytvořit obecně přijímanou teorii, ve všech směrech pravdivě odražející objektivní skutečnost.